

Интервью с Василием Сигаревым и Яной Трояновой (6 ноября 2012)

Участники:

Саманта Шерри, сотрудник Центра им. Е. Дашковой, Эдинбургский университет

Василий Сигарев, драматург, кинорежиссёр

Яна Троянова, актриса

САМАНТА: Василий Сигарев и Яна Троянова, во-первых я хочу вас поприветствовать в Эдинбурге на фестивале русского кино, а во-вторых, большое спасибо за то, что вы будете говорить о фильме “Жить”, который сегодня показывают в кинотеатре Filmhouse здесь, в Эдинбурге.

Василий, в “Жить” переплетаются три истории. Почему именно три истории разные и как вы выбрали этот сценарий, именно эти вот, эти истории.

ВАСИЛИЙ: Ну, это как-то совершенно случайно у меня получилось, а потом выяснилось, что там как раз таки все три возможные любви и рассказаны: любовь к детям, любовь между мужчиной и женщиной и любовь к родителям. Я даже как бы так сознательно этого не делал, а потом, когда прочитал сценарий, то это обнаружилось.

САМАНТА: Вы сказали, что начали писать сценарий про апокалипсис, а потом передумали. Почему передумали?

ВАСИЛИЙ: Ну, как-то сама история передумала быть про это, а ей захотелось быть про частный апокалипсис.

САМАНТА: Фильм называется “Жить”, но мне кажется смерть является главной темой трёх историй. Как вы считаете, вы сняли жизнеутверждающий фильм или пессимистический?

ВАСИЛИЙ: Ну, он на самом деле такой, каким его увидят зрители. Один зритель может увидеть его пессимистическим, другой – жизнеутверждающим. Для меня – жизнеутверждающий.

САМАНТА: Вы очень много говорите про семью, про потерю близкого человека и, можно сказать, про духовную жизнь человека. Есть ли в фильме более глобальная тема, а, может быть, есть какая-нибудь социальная точка зрения, человеческая?

ВАСИЛИЙ: Есть такая официальная, как бы тема: это то, что отношение к смерти в обществе нивелировано. И особенно в кино. То есть, когда показывают смерть, в принципе это так легко всегда и никто на это никакого внимания не обращает. То есть – убили человека и через пять минут уже зритель про него не помнит. А мы как бы хотели показать, какое-то величие смерти и от этого – величие жизни, потому что жизнь – это огромная ценность.

САМАНТА: Скажите, насколько важны для вас именно эти социальные темы?

ВАСИЛИЙ: Там, как бы вот самих социальных тем-то – нет, вот, которые там касаются чего-то, что происходит в России, потому что тут это не совсем важно было и я не хотел делать социальное кино совсем.

САМАНТА: Вы считаете, что социальная точка зрения важна русским режисёрам вообще?

ВАСИЛИЙ: В последнее время как-то все, особенно документальное кино, оно страдает этим социальным подтекстом... Ну вот, я устал, честно сказать, от этого всего социального и, хотелось какого-то такого жанра древнегреческого. Всё это как-то мелко, эти социальные проблемы, они меняются, текут и, в принципе, это не про вечность – хотелось про вечность.

САМАНТА: Фильм уже показывали на фестивале в Роттердаме, в Лондоне. Как, по вашему мнению, относится зарубежный зритель к истории обыкновенных русских людей, правильно их понимает или нет?

ВАСИЛИЙ: Я думаю, историю-то они понимают правильно, но они её не понимают до конца, потому что всё-таки мы по-другому воспринимаем скорбь и всё, что с этим связано. Поэтому как-то у меня ощущение, что это всё-таки не для иностранцев кино, а для русских.

САМАНТА: На сколько важны для вас зарубежные зрители?

ВАСИЛИЙ: Мне вообще важен зритель, который понимает, а если вот он не понимает... то, наверное, мы всё-таки в разных мирах живём.

САМАНТА: А на сколько важно для вас мнение критиков? Российских критиков и зарубежных?

ВАСИЛИЙ: Вообще, есть критики, мнение которых важно. Про зарубежных ничего не скажу, потому что я как-то даже и не читаю, что они пишут, так как нет возможности языковой это делать, а есть несколько российских критиков, мнение которых мне важно. А вообще я всегда маленько недоумеваю, когда критики переходят на личности. То есть, вот, если им позволено, то и мне будет когда-то позволено набить кому-то морду.

Смех.

САМАНТА: Теперь, можно задать вопрос Яне. Яна, вы пришли в кино из театра. Какая разница между работой в театре и в кино?

ЯНА: Вот я думаю, что, к счастью, у меня так складывается, что, в принципе, никакой, кроме того, что у меня нет постоянного коллектива. Вот с точки зрения творчества – никакой. Потому что я снимаюсь в авторском кино, я может по праву, себя считаю всё-таки актрисой, которая авторски подходит и к роли – это очень важно, вот когда ты всё-

таки, хоть маленький, но художник. Вот. Но в театре я не могу жить в коллективе, в большом... Вот я как-то не приспособлена жить в большой семье и поэтому кино мне этим и нравится, что я пришла, всё отдала, что я могла отдать от себя – и опять ушла, и опять какой-то перерыв. Я очень мало снимаюсь, очень, так, избирательна к ролям, потому что считаю, что нельзя убивать творчество... И в театре, правда, может его больше, но я в таком кино, что оно есть.

САМАНТА: А как вы подготовились к этой роли в фильме “Жить”?

ЯНА: А вы знаете, я вообще, кстати, я как бы вот не репетирую, не готовлюсь... Оно само там жить начинает... Вот ты читаешь сценарий, и ты уже, в принципе, знаешь – это ты там, или не ты. Вот в его сценариях, я уже у него второй раз... третий даже раз я у него снялась, у Васи Сигарева, я сразу себя вижу, обнаруживаю. И остаётся только впустить этого человека в себя. И вот у нас всегда долгая подготовка идёт, не меньше года. И вот этот год я постепенно превращаюсь вот в этого человека, которого собираюсь, которого собираюсь прожить там, в его картине и поэтому, это не подготовка, это опять же такой вот самый творческий момент. На площадке ты уже выдаёшь, всё, что в тебе поселилось.

САМАНТА: А вам тяжело играть с психологической точки зрения?

ЯНА: Да, это очень, правда, тяжело. Это такое потом опустошение. Ведь, тем более, что мне нужно было найти состояние для себя, мне Вася даже иногда, два раза где-то, делал замечание, что нет состояния, и мне приходилось уходить от всей группы и находить состояние, знаете какое? Такого, вот совсем одиночества, когда мир есть и мира нет, ты кричишь – тебя не слышат. Да? То есть, вот ты такой один идёшь... Это очень страшное состояние, вот я через него делала эту роль и, конечно, очень долго потом восстанавливалась.

САМАНТА: А как после этого можно отдыхать?

ЯНА: А вы знаете, это такое, какое-то... Опять же, в одиночество нужно обратно уходить. Такое, правда, бытовое уже, но стараться как можно меньше с кем-то контактировать, вот я, по крайней мере, по себе заметила, потому что нет сил вообще общаться. И так замыкаешься и, даже поправляешься, то есть даже на физиологию переходит, что начинаешь наполняться, но сначала физически, а потом уже, как-то, духовно. Абсолютное потому что опустошение. И вот нужно ещё побыть одной, но так уже в домашней обстановке, чтобы понять – всё кончилось. Всё нормально. Успокойся. Да? И вот тогда, постепенно, постепенно начинаешь переходить к следующей роли, но лучше, больше времени не сниматься наоборот.

САМАНТА: А скажите, трудно работать с мужем?

ЯНА: Да вы знаете, мне интересно с ним работать. Вот это самое главное. Трудно – безусловно, а не бывает ничего лёгкого. Он пишет же настоящее, там же люди реальные,

да? То есть, это же не просто там, какой-то характерец надо выдать, надо там прожить целую судьбу. Конечно, это безусловно трудно, но это дико интересно. Вот, в профессии надо, чтобы было обязательно интересно, как с человеком в общении, в жизни, да? Надо чтоб было всегда интересно. Вот это и есть всё: и творчество, и любовь – когда интересно.

САМАНТА: А что у вас общего с вашей героиней? И есть ли что-нибудь?

ЯНА: Да, а вот – способность любить, да? Она же не всем дана. Вот, допустим, у меня была героиня в “Волчке”, тоже Василия Сигарева фильм, которая не способна любить, да? Которая, такая чистая эгоистка, живёт только ради себя, ради своих удовольствий. А здесь, вот эта Гришка мне очень близка, потому что эта способность любить, и вот так искренне страдать, и вот даже так... Я вот очень люблю сцену, когда она приходит к бабушке, и я бы, наверное, так же пришла бы. Вот такие вещи: они вот очень тонкие, но при этом самые главные... Она же бывшая наркоманка, там – это, конечно, всё это – нет. Но вот главные вещи, это, конечно, способность любить.

САМАНТА: А теперь вопрос Василию. Какие основные тенденции намечаются сегодня в современном русском кино? Каковы главные темы русского кино?

ВАСИЛИЙ: Самая главная проблема – это научиться снимать хороший мейнстрим, чтобы люди ходили именно не на голливудские блокбастеры, а на русские блокбастеры. Пока у нас этого нет, и как-то нужно что-то с этим делать, и, может быть, даже нам придётся приложить к этому руку, однажды.

ЯНА: Да, надо вернуть зрителя.

ВАСИЛИЙ: Да. А вот так, в принципе, я вот ничего особенного не вижу... То, что называют новой волной, ну, как-то так однажды она вот выдала какие-то примерно однотемные фильмы, а дальше, как-то так все и разбежались по своим норам. Так что, такого вот ничего, общей тенденции, как таковой нет.

САМАНТА: А что вам нравится в современном русском или западном кино? Какие у вас любимые режиссёры?

ВАСИЛИЙ: Я вообще могу смотреть и голливудское кино какое-то, если оно хорошо сделано. Просто вот, последние десять лет, я допустим, не вижу сценариев вообще хороших даже в Голливуде, потому что они как-то так всё римейками, римейками, и какие-то такие всё истории повторяющие друг друга, которые мы в девяностые годы видели. Потому что в девяностые годы прямо действительно были отличные истории: “Матрица”, “Терминатор”, а сегодня таких прорывов нет, которые останутся на многие десятилетия. Ну вот, опять же, ждём. Всё же развивается вот так, по синусоиде – бывают падения, бывают взлёты. То есть, может быть, лет через пять опять начнётся расцвет сценариев. Соответственно, их и в России тоже нету. Это самая главная проблема сейчас в русском кино – это то, что нет сценариев, все жалуются.

САМАНТА: Яна, а какие у вас любимые фильмы, стили?

ЯНА: А вы знаете, мы ведь смотрим всё действительно... Ну, всё с хорошим вкусом... У нас же, мейнстрим-то в России очень плохой сейчас, стыдно даже за него... И “Аватары” смотрим – всё смотрим... И я всё-таки соглашусь с Васей, что раньше были сильнее фильмы, и я могу пересматривать старые фильмы, того же Фон Триера, да? Это и “Идиоты” и “Рассекая волны”, вот такие картины. А прекрасный фильм “Магнолия”? Мы недавно познакомились с Питером Зеленко – из Чехии режиссёр – и как раз смотрели его фильм “Пуговичники”. И это, оказывается, он снял давно, девяносто седьмой год, а вот “Магнолия” – пожалуйста, возникает позже. И понятно, откуда черпает Голливуд, да? Он всегда из авторского кино черпает. Это так любопытно посмотреть – откуда была такая мощная картина “Магнолия”, да? Как говорится: корни где её. И вообще, всё-таки мировое авторское кино мне нравится очень...

ВАСИЛИЙ: Единственное, мы – артхаус терпеть не можем.

ЯНА: Так всё жёстко, потому что.

ВАСИЛИЙ: Когда там всякие, такие вот, придумывают, не понятно что... Человек себя ест, вот это вот всё...

ЯНА: Ну да, ты помнишь в “Моей коже”, фильм кстати...

ВАСИЛИЙ: Да, вот как-то так...

ЯНА: Она всё... “Кожа”! Или в “Моей коже”, нет, в “Моей коже”! Она всё ела, ела... Какие-то японские бывают странные фильмы, тоже артхаус... Они как тараканы-то живут...

ВАСИЛИЙ: Это корейские.

ЯНА: Нет, японские. Это как они живут в таких маленьких квартирках в Японии, в Токио... “Токио” – так и называется. Также странные такие, я их боюсь вообще... Вообще – таких фильмов боюсь. Вот. У нас наследие же такое мощное – вообще, у мира. И действительно, из-за того, что сейчас происходит, хочется пересматривать то, что было: там так много всего...

САМАНТА: Василий Сигарев и Яна Троянова. Большое спасибо!